

Кто во дворце не знал, что принц Цзин — человек с «особыми» наклонностями? Поговаривали, что он не просто предпочитает мужчин, а доводит их до изнеможения, якобы унаследовав от матери-наложницы способность высасывать из людей жизненные силы.

Евнух невольно покосился на Хо Уцзю. Тот, несмотря на мощное телосложение, выглядел бледным. Он сидел, опустив глаза, и в тени, которую отбрасывал на него Цзян Суйчжоу, казался почти беззащитным. А шрам над бровью... уж не рука ли принца его оставила?

Слуга поспешно отвел взгляд, так и не заметив, какая буря эмоций скрывается за опущенными ресницами «беззащитного» пленника.

— Но... — замялся евнух, — Ваше Высочество, это ведь против правил...

Лицо Цзян Суйчжоу стало еще мрачнее. Он уже открыл рот, чтобы возразить, как вдруг заметил группу людей, поднимающихся по ступеням. Их окружала толпа чиновников, во главе которой шел важный сановник в ярко-красном чиновничьем халате. Красный халат. Первый ранг.

Эту одежду мог носить лишь один человек — Пан Шао. Никто другой не осмелился бы на такое.

Сердце Цзян Суйчжоу сжалось. Он понимал: этого мелкого евнуха легко обвести вокруг пальца, но Пан Шао — старый лис. Любая попытка заступиться за Хо Уцзю или оставить его подле себя могла выдать истинные намерения принца, и тогда Пан Шао мгновенно почует неладное.

Цзян Суйчжоу помедлил мгновение и решился.

В следующую секунду, под приближающийся гул голосов, он резко развернулся и грубо схватил Хо Уцзю за подбородок. Словно выставляя на показ бездушную вещь, он заставил генерала задрать голову.

В его глазах застыл холод, а на губах играла двусмысленная, порочная усмешка. Взглянув на евнуха, он процедил:

— Не по правилам? Так посмотри внимательно, несчастный, мужчина это или женщина.

Он отчетливо слышал, как голоса за спиной стихли — свита Пан Шао явно заметила эту сцену. У Цзян Суйчжоу от напряжения мелко дрожали пальцы.

«Лишь бы не выдать себя... и хоть бы Хо Уцзю понял, что это лишь вынужденная мера...»

Евнух опешил. Он заворуженно смотрел, как принц Цзин — чей облик, изящный и порочный, сейчас казался почти демоническим — цепко сжимает челюсть генерала Хо, заставляя того смотреть прямо на слугу.

Хо Уцзю всё так же держал глаза опущенными. Из-за того, что его голову задрали, из-под воротника показался уродливый шрам, пересекающий ключицу. Хотя рана уже затянулась, её края всё еще пугали багровой краснотой, выглядя особенно зловеще в праздничном свете огней.

У евнуха подкосились ноги.

— Мужчина... Разумеется, мужчина... — заикаясь, выдавил он.

Принц Цзин ледяно усмехнулся и с силой оттолкнул лицо Хо Уцзю.

— Вот именно.

Он неспешно достал из-за пазухи платок и принялся медленно вытирать руку, которой касался генерала.

— Засунуть его в толпу женщин? Ты, может, и не боишься беды, а вот мне так спокойнее.

Он тщательно протер каждый палец, хотя рука была чистой, и небрежно бросил платок на землю.

— Я брезглив, ты должен это знать, — холодно бросил он, подняв глаза.

— Это... но... — евнух совершенно растерялся.

В этот момент за спиной Цзян Суйчжоу раздался смешок.

— А я гадаю, кто же это здесь шумит? Оказывается, Его Высочество принц Цзин! — раздался звучный голос.

Цзян Суйчжоу обернулся. В нескольких шагах стоял Пан Шао.

Несмотря на то что этот старик не раз строил ему козни, они впервые встретились лицом к лицу. Вопреки карикатурным изображениям, Пан Шао обладал вполне благообразной внешностью, а в парадном чиновничьем облачении и вовсе выглядел величественно.

Лишь его глаза — глубокие, с непередаваемым блеском — выдавали его истинную натуру.

Цзян Суйчжоу внутренне весь натянулся, как струна. Он смерил Пан Шао безразличным взглядом и сухо произнес:

— Господин Пан.

Такое поведение было верхом дерзости. Хоть Цзян Суйчжоу и был принцем крови, Пан Шао приходился императору родным дядей и занимал пост великого ситу (первый ранг). По статусу они были почти равны, не говоря уже о безграничной власти временщика.

Но Цзян Суйчжоу знал: именно так и должен вести себя прежний владелец этого тела.

И действительно, Пан Шао остался само спокойствие. На его лице не отразилось и тени обиды; напротив, он почтительно поклонился и увлек за собой остальных чиновников.

— Приветствуем Ваше Высочество. Позвольте узнать, что заставило вас задержаться здесь?

Лицо Цзян Суйчжоу стало еще холоднее. Он бросил на Хо Уцзю брезгливый взгляд и тут же с отвращением отвернулся.

— Ничего особенного, — проронил он, отступая в сторону. — После вас, господин Пан.

Однако Пан Шао не двинулся с места, переводя взгляд на евнуха:

— В такой радостный день для Его Величества, чем же вы прогневали принца Цзина?

Слуга рухнул на колени:

— Господин Пан, Его Высочество... желает взять супругу с собой в зал.

Пан Шао и без объяснений видел всё, что только что произошло. Улыбаясь, он посмотрел на Цзян Суйчжоу.

— Ну что ж, пусть берет. Если принц так привязан к своей «супруге», неужели мы станем разлучать влюбленных?

Он произносил слова медленно, смакуя их.

Цзян Суйчжоу скривился, словно проглотил нечистоты. Он с трудом подавил ярость, но всё же не сдержался и коротко фыркнул.

Евнух поспешно закивал и пригласил принца войти. Тот, будто смертельно оскорбленный словами Пан Шао, даже не взглянул на него больше и зашагал прочь.

Пан Шао провожал его взглядом. Когда принц скрылся из виду, один из чиновников возмущенно прошептал:

— Его Высочество ведет себя крайне непозволительно.

Но Пан Шао лишь с улыбкой покачал коленой. В его глазах светилось странное удовлетворение.

— Он всего лишь еще очень молод, — негромко произнес он.

В банкетном зале у каждого был отдельный столик, места было предостаточно. Хо Уцзю остался в своем кресле, так что пришлось лишь добавить приборы.

Цзян Суйчжоу занял свое место. Распорядитель видел, как принц, усаживаясь, еще раз одарил генерала взглядом, полным ледяного отвращения.

Евнух поспешил удалиться. Он не услышал, как в ту самую секунду принц одними губами, так тихо, что звук предназначался лишь ушам Хо Уцзю, произнес:

— Прошу прощения за дерзость.

Его спина была мокрой от пота — и не только из-за встречи с Пан Шао. Главным страхом было то, как он обошелся с Хо Уцзю. Это было всё равно что дергать тигра за усы!

Цзян Суйчжоу, снедаемый тревогой, поспешил извиниться при первой же возможности. Он не ждал ответа и уже прикидывал, как оправдается на обратном пути.

Но Хо Уцзю вдруг посмотрел на него и медленно моргнул.

Словно подтверждая: «Я понял».

Цзян Суйчжоу вздрогнул, едва не растеряв всю свою напускную холодность. Он поспешно

отвернулся и припал к чашке чая, пытаясь унять дрожь в руках.

«Этот взгляд... он ведь просто ответил мне? Это же не означало "сегодня ночью тебе конец"?»

А за его спиной Хо Уцзю провожал его задумчивым взглядом, пряча глубоко в глазах нечто необъяснимое.

«Надо же, перед толпой держался так уверенно, а стоило мне на него посмотреть — и снова задрожал?»

Хо Уцзю впервые видел Цзян Суйчжоу в «официальной» роли.

Принц играл великолепно — даже Пан Шао, похоже, поверил. Образ вышел настолько отталкивающим, что неудивительно, почему Цзи Хунчэн в своих письмах не жалел в его адрес площадной брани.

Но... Хо Уцзю поймал себя на мысли, что находит это почти милым.

Когда принц смотрел на него этим притворно-свирепым взглядом, за которым скрывалась паника, в груди генерала словно что-то шевельнулось. Легкий зуд, смесь досады и странного тепла.

Хо Уцзю непроизвольно поднял руку и коснулся костяшкой пальца своего подбородка. Ощущение прохладной, мягкой кожи всё еще теплилось там.

Та рука дрожала. Тот, кто касался его, изо всех сил пытался это скрыть, но безуспешно.

В итоге жест, который должен был стать унижительным, вышел почти жалобным. Эта напускная свирепость напоминала бумажного тигра: снаружи рычит, а внутри — дрожащий комок, который ищет, к кому бы прислониться.

Удержаться и не перехватить эту ладонь в свою стоило Хо Уцзю больших усилий, чем терпеть боль в изувеченных ногах.

За окнами шуршал дождь, а внутри залы сияли огни.

Среди золота и шелков пировали высшие сановники, лилась музыка. Случайный зритель мог бы обмануться, решив, что империя находится в зените славы и впереди еще долгие годы процветания.

Но Цзян Суйчжоу знал: этот блеск куплен ценой пустой казны и разорения провинций. Под золотой скорлупой скрывался лишь гнилой остов.

Сгустились сумерки, и зычный голос главного евнуха возвестил о прибытии государя. В зале воцарилась тишина.

Император явился.

Цзян Суйчжоу вместе со всеми поднялся, дождался, пока правитель займет трон, и совершил обряд троекратного коленопреклонения и девятикратного челобитья.

Когда церемония завершилась, чиновники замерли в ожидании команды «встать».

Главный евнух с метелкой из конского волоса ждал сигнала, но с трона не донеслось ни звука.

«Что на этот раз?» — встревожился слуга. Он осторожно покосился на императора и увидел, что тот сидит вразвалку, подперев подбородок рукой, и задумчиво разглядывает тех, кто внизу.

Евнух проследил за его взглядом. Среди ковра из склоненных спин выделялся один человек. Он единственный не пал ниц, а спокойно сидел, без тени страха глядя прямо на императора.

Хо Уцзю.

Евнух помнил его. Когда генерала привезли в Линьань, он сопровождал государя в темницу. Тогда, при их первой встрече, стражники пытались силой заставить пленника преклонить колени, но безуспешно. Именно после той встречи император приказал подрезать ему сухожилия на ногах.

«Да... этот человек действительно не может встать на колени... Но Его Величество, похоже, снова ищет повод для придирки?»

В душе евнуха нарастало беспокойство.

И тут император лениво произнес:

— Встаньте, верные подданные.

Чиновники с облегчением поднялись и заняли свои места.

Главный евнух перевел дух.

Этот государь был, пожалуй, излишне своенравен. Пока был жив покойный император, он еще сдерживался, но теперь, став полноправным правителем и имея под боком великого ситу, который во всем ему потакал, он порой творил такие бесчинства, не разбирая места и времени, что у слуг сердца уходили в пятки.

«Лишь бы Его Величество не гневался и благополучно довел этот праздник до конца — это было бы лучшим исходом...»

Но не успел он расслабиться и наполовину, как император снова подал голос.

— Хм... Пятый брат, — Цзянь Шуньхэн подпер щеку ладонью и, не дожидаясь официального открытия пира, самовольно подцепил с тарелки креветку и отправил в рот. — Только что все сановники склонились предо мной... Почему же твоя супруга не преклонила колени?

<http://bllate.org/book/16965/1580034>